

ДАНИИЛ

ИСТОРИЯ ВЗРОСЛЕНИЯ

12+

Кристина Николаевна Кондратьева

Даниил

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64783762

SelfPub; 2021

Аннотация

История взросления мальчика, выросшего в обычной семье, в которой вроде бы всё хорошо, но...

Содержание

Детство	4
Начальная школа	10
Отрочество	16
Юность	21

Кристина Кондратьева

Даниил

Детство

Пятилетний Данечка был обычным мальчиком, родившимся в деревне. Он мало чем отличался от других окружающих его детей. Его семья была не богатой, но и не бедной. В отличие от множества других, в его семье кроме мамы и бабушки, присутствовал и папа. Иногда папа был груб; он легко раздражался и зачастую бил мальчика ремнём, что было очень больно и обидно. Но в целом он, конечно, хороший, и другие дети, чьи отцы либо погибли, либо ушли из семьи, запрещали Дане жаловаться на своего. У Дани был лучший друг, что жил в доме напротив и девочка с соседней улицы, которая по-детски нравилась ему.

Даня был долгожданным ребёнком, и родители души не чаяли в своём малыше. Однако, была вещь, которая невероятно смущала их в сыне – ребёнок был невероятно мечтателен. Бывало, когда Даню оставляли одного, он не начинал безобразничать или, пока никто не видит, заниматься тем, что обычно запрещалось родителями. Он садился на качели во дворе или просто ложился на пол, уперевшись взглядом в

потолок, и его детское воображение тут же уносилось очень далеко от этого невзрачного деревенского домика.

В целом, в его увлечении не было ничего особенного. Все дети любят мечтать. Иногда только случалось ему получить за это оплеуху, чтоб не отвлекался от работы. Глядя на летающего в облаках сына, мама переживала о том времени, когда ему придётся пойти в школу. Как же он будет слушать на уроках? Отец же лишь цокал, приговаривая что не мужское это дело – днями напролёт фантазировать.

Пока для него не освободилось место в детском садике, Даня любил проводить время в гостях у бабушки. Старушка не могла уследить за малышом, и, пользуясь этим, Даня лазил по крышам и заборам днями напролёт. А по вечерам он совершал нападki на бабушкину библиотеку, и, делая вид что умеет читать, водил пальчиком по строкам старого учебника географии и сочинял свои странные сказки, пока бабушка его слушала.

Почти всегда мальчик предпочитал находиться один, несмотря на наличие у него «друзей». У живущего в соседнем доме Паши, которого Даня считал лучшим другом, были другие, более интересные друзья, и мальчишки виделись редко. Анюта, девочка с огромными голубыми глазами, и вовсе почти не знала о существовании Дани; ребята знакомились

друг с другом в детском саду, а Даня в него не ходил. И, будучи слишком застенчивым, он мог лишь иногда наблюдать за Аней, забираясь на крышу дома своей бабушки; её дом, хоть и был фактически на соседней улице, находился напротив.

Родители смеялись над увлечением сына и называли Анюту своей будущей невесткой. Конечно, по-доброму, но пятилетний Даня смущался, и с каждым разом всё меньше и меньше делился своими переживаниями с родителями, опасаясь насмешек. Бывало, когда он, гуляя с родителями, случайно встречал Аню, то невероятно смущался и даже краснел, переживая за реакцию родителей, которые в это время сдержанно хихикали.

Мальчику начало казаться, что, когда тебе кто-то нравится – это позорно и лучше так не делать. И постепенно он заставил себя забыть о своём увлечении Аней.

Когда Дане уже исполнилось шесть, для него освободилось место в детском саду. В группе было невероятно много ребят, что напугало мальчика, который раньше и с небольшими компаниями детей обычно не общался. Здесь никто не знал его; но друг с другом все были уже знакомы. Разделившись на небольшие компании, дети играли, а у Дани своей компании не было; он чувствовал себя лишним. Ему каза-

лось, что он не достоин того, чтобы другие ребята дружили с ним. Каждый из них ходит сюда уже давно; хорошо знает воспитателей и других ребят, понимает, что делать можно, а чего не следует, и как всё здесь устроено. А вот Даня здесь впервые, и, переживая, что может сделать что-то не так, он решил ничего не делать: в буквальном смысле. Каждый день, приходя в садик, он садился на стульчике вдали от других детей и ни с кем не разговаривал. Многие ребята полагали, что он попросту не умеет говорить.

Даня, целыми днями проводя на стульчике, и иногда, выражая невероятное страдание выходя на прогулки, часто был погружён в свои мысли. О том, как ему здесь плохо, о том, как он скучает по временам, когда ему нужно было просто сидеть целыми днями с любимой бабушкой, пока родители на работе, или просто придумывал в своей голове различные миры и вселенные. И, словно абстрагируясь от реальности, проводил своё время там.

Дети, особенно в больших группах, бывают невероятно жестоки. Ещё не прошедшие процесс первичной социализации, не усвоившие в полной мере социальные нормы, или попросту недостаточно воспитанные, они могут не понимать, как их поступки, слова и действия могут ранить кого-либо. И зачастую предметом издевательств становится тот, кто не похож на большинство из них; тот, кто не может ответить и постоять за себя; тот, кто боится их, боится дать сдачи. И, как не трудно догадаться, в этой группе долгожданным коз-

лом отпущения стал именно Даня.

Ребята, насколько им хватало фантазии, издевались над ним. Забирали и ломали его игрушки, смеялись и обзывались, не играли с ним, даже если он наконец решался подойти к ним и предложить свою компанию.

Затюканный Данечка, который теперь боялся всех сразу и каждого в отдельности, больше не мог общаться ни с кем, включая ребят вне группы детского сада. Его, и ранее несчастное, общение с Пашей и вовсе сошло на нет. Паша уже пошёл в школу и даже не вспоминал о нём.

Привыкший к издёвкам, Даня полагал, что по-другому и не бывает. Что все остальные дети будут также издеваться над ним, или чего хуже, вначале не будут, но, узнав о его проблемах в группе детского сада, сразу же начнут. Из солидарности.

Зато воспитатели любили тихого и спокойного мальчика, который не приносил им никаких проблем, и беспокоились о нём. Разве это нормально, когда ребёнок целыми днями сидит на стульчике и ничего не делает, ни с кем не разговаривает? Они не могли заставить других детей полюбить его, но сумели уговорить родителей сводить сына к психологу.

Раскрепостившись в уютном кабинетике, Даня, конечно, поделился своими переживаниями и понемногу, помаленьку объяснил психологу то, как он боится других детей и как они, словно чувствуя его страх, превращаются в самых страшных и отвратительных монстров, которые хотят только одного – давить на его больные места снова и снова.

Родителям посоветовали, как можно чаще хвалить мальчика; ведь все проблемы были именно из-за заниженной самооценки ребёнка. Однако, родители были разочарованы. Им казалось, что один визит к психологу (он же был таким дорогим!) решит все проблемы и Даня, став обычным малышом, начнёт наконец общаться со сверстниками. Хвалить своего сына? За что же, прости господи, его хвалить?

И Даня, в жизни которого так ничего и не поменялось, продолжил ходить в детский сад, терпеть издёвки и уже в таком раннем возрасте думать о суициде. Конечно, он ещё не понимал в полной мере, что такое смерть, и совершенно точно не понимал того, что умереть можно по собственной воле. Но ему всё чаще хотелось исчезнуть, перестать существовать.

Начальная школа

Дане, да и всем вокруг, казалось, будто он отставал в развитии. В 7 лет мальчик отказывался разговаривать, не мог научиться читать и совершенно не мог писать. Учителя начали подозревать у него дислексию. Они, конечно, понимали – ребёнок не глуп. Он много знает, и, пытаясь скрыть свой недуг, очень быстро запоминает длинные тексты, чтобы лишь создать вид, что он умеет читать, пересказывая их.

Понемногу он даже начинал говорить; правда пока только шёпотом, на ушко своей классной руководительнице, которая очень быстро добилаь его доверия. Желая помочь, она объяснила Данечке, что его могут не взять в школу, если он не будет говорить. И, поскольку мальчик очень сильно не хотел обратно в ненавистный детский сад, он пообещал стараться. И действительно, уже через полгода, хоть и негромко и со страхом, но он был уже в состоянии отвечать на уроке перед всем классом.

Однако, сам Даня радости по поводу своего прогресса не испытывал. Его одноклассники, заметив его затюканость в начале года, таким его и запомнили; и никто не стремился уважать его или дружить с ним. Малыш ходил в школу как на каторгу.

Иногда, в школьных коридорах, он встречал своего старого друга Пашу, который обыкновенно не замечал его, а если

замечал, то лишь смеялся. Довольно опасно дружить с тем, кого все обижают; иначе придётся разделить его участь.

Хотя, конечно, Аня жалеяла его, и, не опасаясь одноклассников, очень часто по-доброму разговаривала с ним; садилась за одну парту на уроках, вставала с ним в пару, когда все строились. Даня помнил свои подавленные чувства. И помнил, что эти чувства – плохие. Да и к тому же, родители, которые уже успели забыть про Аню, узнав о ней снова, начали свои прогнозирования и подшучивания с новой силой. Не со зла, конечно. Однако, Даня знал, что если сегодня он сядет с ней, или встанет в пару, или просто мило поболтает на перемене, то вечером родители обязательно начнут это обсуждать, задавая сыну глупые и неприятные вопросы по поводу его уже давно угасших чувств к однокласснице.

И потому, вместо того чтобы с благодарностью принять её доброту, подружиться с ней, и, возможно, влюбиться, Даня отвергал её. Снова и снова. Обижал и игнорировал. Ровно также, как делал остальной класс, но с ним.

Благо, Аня вместе со своей семьёй очень скоро переехала в другой город, и Даня больше никогда в жизни её не видел. Возможно, он жалел о своём поведении по отношению к ней, возможно жалел, что не смог извиниться, но уж точно не сильно. Он не отдавал себе полноценного отчёта о собственных действиях и даже не понимал в полной мере, что мог делать ей больно. Он просто пытался защититься от родительских насмешек.

Хоть и с трудом, но всё-таки научившись читать и писать, мальчик использовал свои новые возможности сполна. Часами он сидел с книгами, погружаясь в фантастические миры, в которых никто его не обижал. Он часто записывал и собственные истории, которых было очень много. Он не стремился создать единый сюжет с завязкой, кульминацией и развязкой. Вовсе нет. Он просто описывал придумываемые им вселенные и отдельные сцены, происходящие с персонажами в них. Часто давал персонажам имена своих обидчиков и таким образом мстил. Он чувствовал хоть какую-то власть над происходящим и ему становилось легче. Родители, зная о его увлечении, постоянно стремились отыскать и прочесть его сокровенные тетрадки. Иногда находили. И, не скрывая этого, смеялись и обсуждали их. И тогда Даня прятал их лучше. У него всё глубже формировалось убеждение, что родителям нельзя доверять.

Мальчик всё больше и больше интересовался окружающим его миром, который, впрочем, был ограничен деревенской средой и совсем редкими, раз в несколько лет, выездами в город. Он был любопытен, задавал много вопросов, много читал и наблюдал. Однако, родители на его вопросы не отвечали: они закатывали глаза, всем своим видом показывая недопонимание, как их сын мог спросить такую глупость. Ответ на которую настолько очевиден, что Даня, вероятно, какой-то отсталый, раз не знает этого.

С ним много говорили о его будущем. Ему объясняли, что

когда-то он станет совсем взрослым, ему надо будет работать, больше учиться и заводить собственных детей, что сейчас он только готовится ко взрослой жизни, и, исходя из своих увлечений, ему нужно будет выбрать, чем же он хочет заниматься дальше, чем он хочет зарабатывать деньги, чтобы обеспечивать своих будущих детей.

Только вот, увлечения-то у него совсем глупые! Ну кому нужны эти его сказочки, которые, к тому же, так худо написаны? Никто не станет платить за них деньги. Что же ты, Данечка, хочешь, чтобы мама с папой всю жизнь тебя обеспечивали? Лучше бы мальчик интересовался машинами! Да, конечно, есть такие люди – писатели. Но ты-то тут причём? У тебя даже почерк корявый...

Малыш глубоко задумался над этими словами и своим будущим. Он не хотел бросать писательство, ведь эти «сказочки» помогали ему справляться со всеми его неудачами и обидчиками. Однако теперь каждый раз, когда он брался за свои тетрадки, он чувствовал стыд. Он думал о том, как же он смеет заниматься такой ерундой, когда нужно думать о том, что будет дальше, о том, чем же кормить своих будущих детей. Он не совсем понимал, что такое «дети», и почему ему нужно о них думать и зарабатывать для них деньги, но, видимо, так надо. Родители сказали, что и они в первую очередь думают только о нём, и Даня должен обеспечить достойное будущее своим «детям».

Писал он всё реже. Он думал о том, что ему следует найти

более «достойные» увлечения, но по итогу лишь бродил повсюду, пустым взглядом рассматривая всё вокруг. Папа пытался приучить его любить машины. Ведь всем мальчишкам положено интересоваться ими! Уж с таким-то увлечением сын не пропадёт! Всегда сможет стать и водителем, и автомехаником.

Даня послушно сидел рядом с отцом, когда тот воодушевлённо всё ему рассказывал и объяснял. Однако, мальчику было невероятно скучно. Он чувствовал стыд за то, что ему были не интересны «хорошие» увлечения, а отец всё чаще злился, когда тот упорно не хотел понимать самых простых, обыкновенных вещей и совершенно не справлялся с вожделением. Мальчишке уже восемь! Он в его возрасте не раз угонял мотоцикл из отцовского гаража!

Он перестал верить в то, что его сын сможет стать хорошим водителем или автомехаником. Ведь с куда большим наслаждением, пусть и реже, чем раньше, Даня продолжал писать свои странные сказочки. Он не верил в то, что его мальчик когда-нибудь сможет стать достойным человеком, способным обеспечить себя и свою семью. Скорее всего, он даже станет настоящим позором для него и его жены. Он всё сильнее отдалялся от сына, перестал его учить чему бы то ни было, и всё чаще был с ним груб, всё чаще бил мальчика и буквально физически не мог выносить его присутствие.

Ничего не понимая, маленький Даня, конечно, решил, что проблема в нём. Он злился на отца, но сильнее всего винил

именно себя. В его «мстительных» рассказах всё чаще стал появляться образ отца. И, находя эти тетрадки, отец злился на него ещё сильнее, и в некоторых моментах он избивал сына так сильно, что наблюдающая за этим мать переживала, как бы он случайно не убил ребёнка, но, конечно, не вмешивалась. Они оба не понимали, как Даня может так ненавидеть родного отца, ведь они же столько времени, денег и сил потратили на его воспитание. Да и он, в конце концов, его РОДНОЙ отец. Мальчишка должен быть благодарен!

Отрочество

Будучи подростком, Даня почти ни с кем не общался. Многие из ребят уже выросли, начали осознавать, что могли делать очень больно маленькому мальчику, и теперь рады бы были с ним подружиться, да только Даня и представить не мог – как следует себя вести с ними. Он стеснялся проявлять инициативу, не мог расслабиться и был невероятно слаб в способности к эмпатии. И потому его отношения были либо недолговечны, либо хрупки.

Но, несмотря на всё вышеперечисленное, он смог найти общий язык и достаточно близко общался с мальчиком из параллельного класса, Сашей. Саша искренне желал всего лучшего для Дани. Ему не нравилось немного пухлое тело Дани, его старая неприглядная одежда и грустные глаза, спрятанные под толстыми линзами очков со странной оправой. И Саша искренне хотел исправить всё это! Он пытался заставить своего друга заниматься спортом, носить одежду попримечнее и снять очки. И он, конечно, не нашёл способа мотивации лучше, чем оскорбления. При любом удобном случае Саша указывал на эти недостатки, порой придумывая новые. Он никогда не упускал возможности сравнить Даню с собой или другими парнями.

Даня его слушался. Он выходил бегать каждое утро, рано-рано, чтоб никто не мог его увидеть. Он стал чаще ругать-

ся с родителями, выпрашивая у них денег на новую одежду. Он перестал носить очки несмотря на то, что его зрение продолжало ухудшаться. Он ничего не видел, но надеть очки не хотел. Покупать для него линзы родители отказывались. На них ведь можно разориться!

Конечно, всё это так – Саша добился своей цели, и, возможно, Даня действительно стал выглядеть куда приличнее. Только вот Даня теперь избегал зеркал, целыми днями ходил сам не свой, рассуждая о своей внешности. С каждым разом он всё сильнее боялся появляться на людях. Ему казалось, что он обязательно будет выглядеть глупо. Его было невозможно заставить выйти в магазин, школу он почти всегда прогуливал, и вообще старался лишний раз не выходить из дома. Пару раз он пытался даже убить себя. Но его вечно кто-то останавливал! Внезапно вернувшиеся с работы родители, группа подростков, которые также решили взобраться на крышу, внезапные мысли о том, что же будет дальше. А вдруг он не умрёт, а просто сделает себе очень-очень больно?

А вдруг Саша будет с отвращением вспоминать этот поступок, и всем рассказывать, как же глупо Даня тогда поступил. Саша часто осуждал Даню за его поступки, и Даня вечно колебался в принятии решений, совершенно не понимая, как на это отреагирует Саша, не станет ли осуждать его, ругать, обижаться? А если родители, вместо того чтобы плакать о нём и жалеть о том, что когда-то грубо с ним обращались, будут, как и Саша, вспоминать его смерть с облегчением?

Может, заведут нового, более любимого ребёнка, и никогда не расскажут ему о существовании такого нерадивого, но уже мёртвого старшего брата.

Все эти мысли пугали Даню. Своей смертью он надеялся привлечь внимания, которого ему катастрофически не хватало. Он бывал на похоронах и знал, что там всегда говорят много хорошего о людях, даже если на первый взгляд говорить там было не о чем, и Даня каждый раз дивился тому, как же меняется отношение к мёртвым людям, и сколько всего хорошего всплывает. Мальчику просто хотелось, чтобы хоть где-нибудь, хотя бы кто-то похвалил его.

Однако о погибших быстро забывают, даже если это подростки, чья смерть может нехило встревожить окружение. И скорее всего, все решат, что Даня просто привлекал внимание, и вообще поступил очень глупо.

Разумеется, глупо. Даня и сам понимал это. Есть множество способов привлечь к себе внимание и при этом не умирать. Однако, думал он, стыдить за это подростков – ещё глупее. Особенно будучи их родителем! Может быть, если ваш ребёнок режет вены, стоит пересмотреть свой подход к общению с ним, а не сокрушаться о том, какой же он глупый?

И вроде бы со стороны у Дани всё нормально – есть родители, есть дом, есть Саша. Однако, парень страдал. Ему не хватало банальной нежности, простого человеческого тепла. Со всех сторон он получал лишь насмешки и оскорбления.

В интернете у него было много друзей, ведь в жизни у него

был только Саша, который не удовлетворял его потребностей в доверительных, тёплых отношениях. А друзья в интернете никогда не оскорбляли его, и, хоть общение с ними никогда не было достаточно продолжительным, Даня всё равно был счастлив такой возможностью.

Саша смеялся над ним, не понимая, как можно дружить с кем-то, или даже влюбляться, не видя человека вживую? Однако, альтернативы он предложить явно не мог.

Саше нравились книги, которые изредка продолжал писать Даня. Однако, не все. Ему не нравилось, когда Даня уходил в фантастику и писал о вселенных, планетах и инопланетянах. Саше нравилось что-то приземлённое, что-то о подростковых проблемах или любви. Даня продолжал писать фантастику, ведь это было ему приятно, но теперь гораздо реже, ведь ему также хотелось получать хоть немного одобрения от Саши.

Однажды Даня решился выставить одну из своих книг на всеобщее обозрение. Она была одной из любимых его книг, ведь в ней была и мистика, и космос и путешествия во времени и много-много загадок. Интернет-друзья Дани, которые были в восторге от таланта своего нового друга, всячески помогали ему в продвижении книги. И парень получал много отзывов от своих новоприобретённых читателей. В первый месяц их набралось около двух тысяч. Отзывы были как положительные, так и содержащие критику, но ведь это нормально. Дане было всего 15, и он не мог написать шедевр по

всем аспектам. Все совершают ошибки.

Однако, Саше книга не нравилась. Он часто указывал Дане на те самые, отрицательные отзывы, поражаясь, как же он это терпит, и сам критиковал некоторые моменты из этой книги. Даня пожимал плечами. Его предупреждали, что критика будет, и это нормально. Однако... критику от Саши он терпеть не умел. Да и те отрицательные отзывы теперь были гиперболизированы в его глазах.

Недолго думая, Даня удалил книгу. Он решил, что ему надо стать лучше. Более взрослым, более умным, более начитанным – и только тогда его произведения будут достойны опубликования.

Однако, с тех пор Даня стал писать ещё реже. Небольшие рассказы, которые совсем редко рождались в его тетрадах, так и оставались никем не прочитанными. Он не хотел их показывать даже Саше.

Юность

Закончив школу, Даня изменился. Его тело стало спортивным, на появившиеся небольшие деньги он мог изредка покупать себе новую одежду и линзы. Что удивительно, он даже перестал общаться с Сашей, осознав весь причинённый им вред.

Однако, утраченной самооценки, уважения к себе, самоуверенности было уже не вернуть. Даня обучался на выбранной родителями специальности в выбранном родителями колледже. Возвращался после пар в общежитие, в котором имел лишь пару часов на сон среди шумных соседей и потом через силу просыпался чтобы пойти на ненавистную работу – родители не хотели даже попытаться обеспечить его хотя бы самым необходимым – деньгами на еду и комнату в общежитии.

Учился он, конечно, плохо. С трудом тянул на тройки, чтоб его не отчислили, и совсем не разбирался в получаемой им специальности – все силы уходили на работу грузчиком, из-за которой зачастую ему приходилось пропускать пары.

Он не думал о будущем, о перспективах, и о чём бы то ни было. Он чувствовал себя совершенно отчуждённым от жизни, не понимая вполне, какая она – реальность. Он не пытался думать, осмыслять свою жизнь, сделать её лучше. Существование тяготило его. Он хотел даже умереть, но был

слишком уставшим, чтобы воплотить это. Он жил своими мечтами, своими красочными снами, его взгляд был усталый и безразличный ко всему.

Порой у него бывал порыв – написать рассказ, хоть совсем небольшой, на основе своих снов и мечтаний, но на то не было ни сил, ни времени, да и горестные воспоминания о судьбе удалённой книги угнетали его.

Он не осознавал всех перенесённых им травм, не знал, что может быть лучше, и не допускал даже мысли, что ему, быть может, нужна помощь психолога.

Вместо развития в писательстве он получил работу грузчика, которую впоследствии не сможет сменить. Родители иногда посмеивались, вспоминая его детские мечты и его книжки. Их радовало, что их сын занимается мужским делом, а не какой-то ерундой, часто, когда Даня приезжал домой, они откуда-то доставали его старые тетрадки, и, читая их вслух, долго забавлялись.

Умный мальчик, который хорошо учился в школе и имел множество самых разнообразных увлечений теперь напрочь потерял интерес к учёбе.

Конечно, у мальчика теперь всё будет хорошо. Он закончит колледж и сможет работать. Вряд ли по специальности, конечно, но зато сможет брать больше смен, работая грузчиком и заработать больше денег. Может, вернётся в родную деревню, женится и заведёт детей.

Всё будет так, как они и мечтали. И их послушный, запу-

ганный мальчик не посмеет им перечить, пойти против их воли.

Быть может, мечтал отец, когда-нибудь они вдвоём с Даней будут копаться в машинах, и сын будет в этом разбираться и будет заинтересованно слушать отца, не сочиняя при этом у себя в голове свои глупые сказки.

Конечно, может показаться, что родители мальчика – буквально концентрированное зло, испортившее жизнь ребенка. Оправдать их сложно, хотя и обвинить довольно тяжело. Они любили сына. Может быть, своей странной жестокой любовью, но им действительно казалось, что они делают всё самое лучшее и полезное для своего Данечки.

Когда-то много лет назад они были такими же маленькими мальчиком и девочкой, выросшими в ровно такой же семье, в этой же самой деревне и воспитанные точно также. Они не видели примера иного отношения к детям и во всем копировали методы воспитания у собственных родителей и соседей. И они действительно не желали зла своему малышу. увлечений теперь напрочь потерял интерес к учёбе.